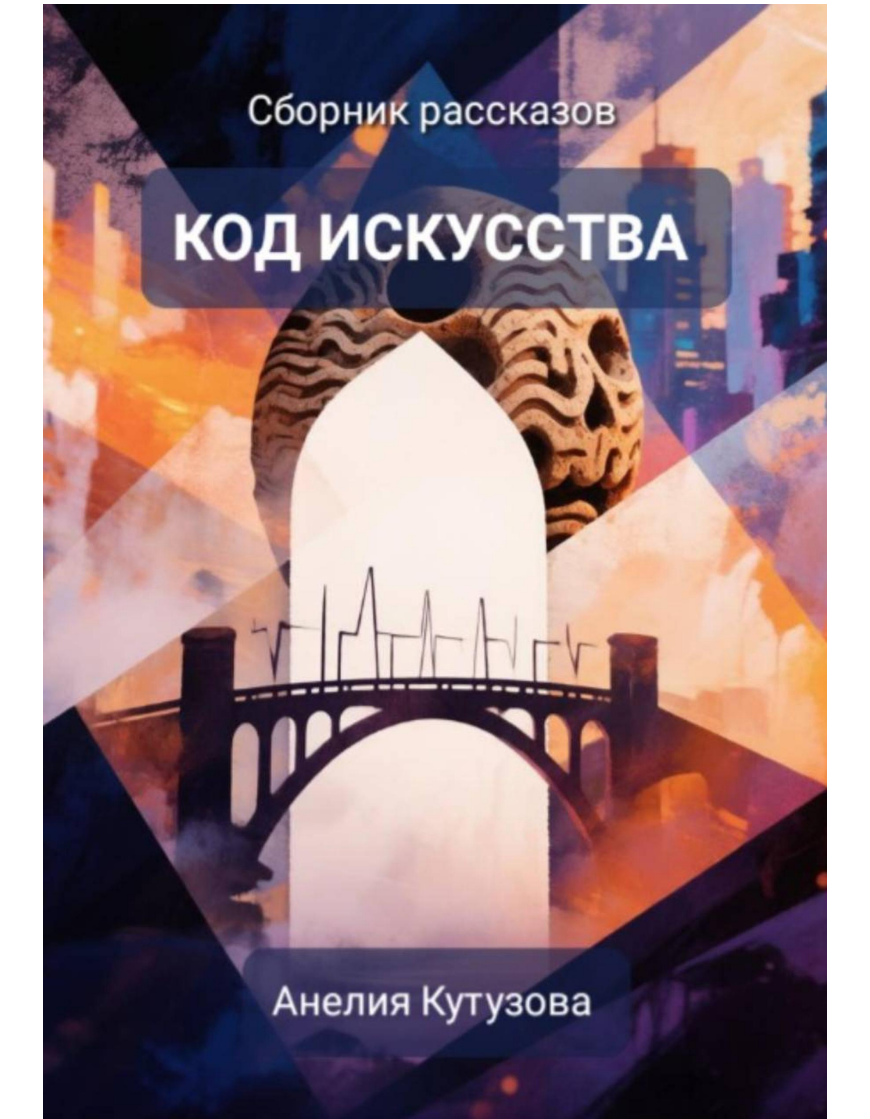

The background is a complex, layered collage. At the top, a dark blue triangle points downwards. Below it, a large, textured skull with wavy patterns on its forehead is visible. In the center, a white, pointed archway frames a black silhouette of a bridge with multiple arches. Above the bridge, a jagged line resembling an ECG or a city skyline is superimposed. The background is composed of various geometric shapes and colors, including orange, yellow, blue, and purple, creating a dreamlike and surreal atmosphere.

Сборник рассказов

КОД ИСКУССТВА

Анелия Кутузова

Анелия Кутузова

Код искусства.

Сборник рассказов.

<https://litres.ru/74500742>

SelfPub; 2026

Аннотация

Забудьте о скучных экскурсиях. Этот сборник — билет в залы, которых нет ни в одном путеводителе. Следуйте за студентом, который устроил селфи-сессию при Сотворении мира. Спуститесь в ледяную мастерскую, где осколки камня складываются в первое стихотворение человека. Прогуляйтесь под старым мостом, где древняя керамика хранит ритм шагов давно ушедших людей. Здесь импрессионизм может обернуться детективом, а ленд-арт стать порталом в прошлое. Приготовьтесь: после прочтения вы больше не сможете смотреть на обычную пыль так же, как раньше.

Содержание

Студент, который видел Большой взрыв	4
Язык сколов	9
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Анелия Кутузова

Код искусства.

Сборник рассказов.

Студент, который видел Большой взрыв

Студент Никита сидел на паре по искусствоведению. Преподаватель вещал о кубизме, а Никита листал соцсети. В кармане вибрировал телефон — очередное уведомление из мессенджера. Ещё бы: он ведь пропустил вчерашнюю тусовку ради подготовки к зачёту по сопромату.

Никита вздохнул. Искусство? Да ну... В детстве мама водила его в Третьяковку, но тогда он только и думал, что о мороженом. А в школе учительница по ИЗО вечно ставила ему тройки за «недостаточную креативность». С тех пор он решил: искусство — это не для него.

Вдруг монитор потускнел, а наушники перестали играть.

— Эй, Никит, ты с нами? — толкнула соседка.

— А? Конечно, — буркнул он. — Кубизм — это круто.

— Ты о чём? Мы про Сотворение мира.

Преподаватель читал лекцию: «Первым художником был

Господь. Он создал свет, установил созвездия, насадил сады...»

Никита зевнул. Скучища. Но вдруг...

Взгляд потяжелел. Стол поплыл. Аудитория растворилась в тумане. Он оказался в пустоте. Абсолютная тьма. Ни звука, ни запаха. Только вязкая густая масса, обволакивающая, словно смола. И странный гул — будто где то далеко зарождается буря.

— Эй, ктонибудь дома? — прошептал он.

Голос ответил из ниоткуда: — ДА БУДЕТ СВЕТ!

Мир содрогнулся. Огромный прожектор прорезал тьму. Белый луч ударил в лицо Никите. Он зажмурился, но сквозь ресницы увидел: багровый — кровь, бирюзовый — море, фиолетовый — ночь. Пятна вспыхивали и гасли, смешивались, рождались заново.

— Ух ты! Круто! — выдохнул он. — Это же... это же... — АБСТРАКЦИОНИЗМ! — прогремел голос. — Первый мазок.

Перед глазами вспыхнули пятна: багровые, бирюзовые, фиолетовые. Хаос цвета, пульсирующий в такт гулу, который теперь напоминал биение сердца вселенной.

— А а а, это Джексон Поллок? — догадался Никита.

— НЕЙРОСЕТЬ! — отозвался голос. — Я рисую вселенную. Или, если угодно, Большой взрыв.

— О, так это физика? — оживился Никита.

— Космология? — ТВОРЧЕСТВО БЕЗ ГРАНИЦ! — рас-

смеялся голос.

Никита почувствовал, как под ногами шевелится земля. Она отрывалась от неба, дрожала, вибрировала. Он ощутил тепло зарождающейся планеты, влажность первых испарений.

— Ой! Это монтаж? — воскликнул он.

— ПЕРФОРМАНС! — прорычал голос. — Я леплю мир. Земля приняла форму шара.

— А а, это сферическая перспектива? — спросил Никита.

— ТОЧКА ОБЗОРА! — ответил Творец. — Теперь есть верх и низ.

Поверхность зазеленела. Трава, папоротники, пальмы. Никита вдохнул — и ощутил запах влажной земли и молодой листвы.

— О, это ленд арт! — восхитился Никита. — Энди Голдсуорти отдыхает!

— БОТАНИЧЕСКИЙ САД! — провозгласил голос. — Я сажаю экспозицию.

Над головой вспыхнуло Солнце. Вокруг рассыпались звёзды. Никита почувствовал тепло его лучей на своей коже.

— Ого-го! Это диско шара! — ахнул Никита. — Лампы накаливания!

— ИНСТАЛЛЯЦИЯ ОСВЕЩЕНИЯ! — объявил Творец. — Режиссёр света — Я.

В небе пролетела птица. В реке плеснула рыба. Воздух наполнился щебетом, плеском, шорохом крыльев.

— Кинетическое искусство! — восторженно закричал Никита. — Балет!

— ТЕАТР ЖИЗНИ! — подтвердил голос. — Постановщик — Я.

Из тумана вышли мужчина и женщина. Они взялись за руки и улыбнулись друг другу.

— О! Это же... — Никита замер. — Это же... фотореализм?

— ПОРТРЕТНАЯ СЕССИЯ! — прогремело в ушах. — Я рисую семью.

— А можно селфи? — робко спросил Никита.

— ПОЗНАКОМЬСЯ СО СВОЕЙ СУЩНОСТЬЮ! — улыбнулось небо.

Мир вернулся. Никита сидел в кресле. Монитор снова играл.

— Ну и кино, — пробормотал он. — Надо срочно записаться на курсы по истории искусства.

— Ты с нами? — спросила преподавательница.

— Да-да! — кивнул Никита. — Я только что побывал на выставке.

Класс захохотал. Никита покраснел, но не обиделся. Он чувствовал: что-то изменилось.

После пары он задержался в аудитории. Преподавательница уже ушла, одnogруппники разбежались. Никита подошел к доске, взял мел и медленно, аккуратно нарисовал круг. Такой же, какой был нарисован до лекции. Но теперь он знал:

это не просто геометрическая фигура. Это символ бесконечности. Это инсталляция. Это начало.

В кабинет вошла преподавательница.

— Что это? — спросила она.

— Это... — Никита помолчал. — Это выставка. Хотите билет?

Профессор усмехнулась, но в её взгляде мелькнул интерес.

Никита улыбнулся. Может, всё это был сон? Или галлюцинация от недосыпа? Но разве это важно? Главное — он теперь видит мир иначе. И, кажется, готов к новым открытиям.

Язык сколов

В реставрационной мастерской пахло пылью, старым деревом и едва уловимой горечью спирта — будто сама история здесь предпочитала терпкие ароматы и не любила сладости. А за окном стоял февраль: такой плотный, что воздух казался не воздухом, а тонкой ледяной крошкой, которую город сыпал на крыши и тротуары без всякой жалости.

Новосибирск в эти дни будто возвращался к своим корням — к тем самым ледникам, что когда-то надвигались медленно, неотвратно, заставляя всё живое шевелиться, приспособливаться, выживать.

Свет в мастерской падал ровно, без театральных теней: лампы были рассчитаны не на красоту, а на точность — как строгий учитель, который не поощряет позёрство. Ирина Петровна, не поднимая головы, провела пальцем по краю чоппера. Не для того, чтобы почувствовать шероховатость — она знала её наизусть, как знают на ощупь любимую чашку. Ей нужно было «услышать» скол. В нём был ритм: короткий удар, пауза, ещё один, чуть увереннее. Как строчка в верлибре, где смысл держится на интервалах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.